

П. Мазаев

Москва. Исторический
факультет МГУ
им. М.В. Ломоносова

Вступление

Первоначальной задачей работы было прояснить определённые неисследованные эпизоды в истории Ферапонтова монастыря. Но по мере проникновения в тему стало ясно, что многие исследования слишком грубо определяют ситуацию, что зачастую приводит к неправильным обобщениям и порождает научные мифы. Так, один из самых распространенных научных мифов о восхождении всех заволжских «школ» к Сергию Радонежскому, созданный А. Н. Муравьевым¹, а потом подхваченный И. К. Смоличем² и Б. М. Клоссом³, является всего лишь обобщением, не учитывающим целый ряд других монастырских групп и монастырей, появившихся еще до прихода в Заволжье последователей Сергия Радонежского, таких, как, например, группа Спасо-Каменного монастыря и Спасо-Прилуцкая обитель. С другой стороны, подобная точка зрения не учитывает общий для всего православия подъем монашества, связанный с развитием исихастских идей в Греции и, в частности на Афоне. Б. М. Клосс создает систему, в которой каждый из старцев, имевших контакты с Сергием, становится либо его «учеником», либо «собеседником» и тут же записывается в «школу» Сергия, при том что никакой «последовательной»

ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРЬ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ЗАВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIV-XV ВВ.

связи между ними не наблюдается, так это произошло с преп. Димитрием Прилуцким. Поэтому, помимо простого исследования «белых пятен», задачей работы также стало дополнение и переосмысление уже исследованного материала.

Также в работе освещена проблема взаимоотношений монастырей и князей. Зачастую князья становились не только богатыми покровителями монастырей, но и их ктиторами. В данном случае мы говорим о ктиторах не только как о заказчиках строительства и последующих покровителях обителей, но и как о покровителях, не участвовавших в строительстве. Подобные ситуации возникают в случае появления обители на территории князя внезапно, как это случилось с Ферапонтовым и Кирилловым монастырями, или же при покровительстве давно существующей обители. И в том, и в другом случае отношения между монастырем и ктитором одинаковые: ктитор имеет право вмешиваться практически во все сферы жизни монастыря.

Таким образом, в работе присутствуют две большие части. В первой рассматриваются проблемы, связанные с общим развитием монастырского движения в конце XIV — тре-

твей четверти XV веков, во второй же проводится исследование истории Ферапонтова монастыря. Основными исследуемыми источниками в этой работе являются жития святых (преподобных Кирилла, Ферапонта, Димитрия Прилуцкого и пр.), которые дают нам, несмотря на агиографический канон, множество интересных фактов из жизни святых и монастырей, акты социально-экономической жизни монастырей, которые дают фактический материал о жизни обитателей, а также сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре, где мы находим и некоторое подтверждение тому, что причисление всех монастырей к группе Сергия Радонежского, является достаточно поверхностным. Также надо отметить, что автор ни в коем случае не пытался исчерпывающе раскрыть тему подъема и расцвета русского монашества, что требует более широкого фундаментального исследования с привлечением множества источников и исследований, а, скорее, стремился через раскрытие истории Ферапонтова монастыря показать некоторые закономерности развития монастырей на Севере в XV веке.

Подъем русского монашества в XIV веке

Прежде чем говорить об истории Ферапонтова монастыря, кажется нужным обозначить процессы, предшествующие его основанию, чтобы в дальнейшем использовать полученные обобщения для сравнения с процессами, происходившими вокруг Ферапонтовой обители.

Причины подъема

В XIV веке, несомненно, происходит небывалый подъем монастырей на территории Северо-восточных русских княжеств, и связано это с большим комплексом как материальных, так и духовных причин.

Первая из этих причин кроется в покровительственной политике княжеских домов, помогавших своим протекторатом и материальным обеспечением некоторым монастырям. Это происходило в первую очередь для того, чтобы обрести поддержку влиятельного черного духовенства и тем самым получить больше шансов на объединение русских княжеств под своим началом. Подобный негласный «подкуп» в расчете на поддержку являлся обыкновенной политикой для московских князей, сочетать и свои, и церковные интересы. Так, основным результатом подобной политики стал перенос митрополичьей кафедры в Москву в 1326 году.

С другой стороны, поддержка монастырей давала возможность фактического управления ими через влияние на игуменов и братию. Для монастырей же это обернулось постоянной защитой их со стороны княжеской власти и исчезновением потребности постоянно находиться близко к большим городам, а значит, появлением возможности освоения новых территорий, что также было выгодно князьям, которые могли через влияние на обитатели обеспечивать свои интересы в областях, далеких от княжеской столицы.

Второй причиной явился экономический подъем русских княжеств

в XIV веке, возродившихся после упадка, который нанесло татарское нашествие. Ослабла надобность экономической зависимости монастырей от городских центров. Обитатели смогли существовать отдельно и своими силами поддерживать себя, иногда даже составляя конкуренцию городам. Многие из монастырей впоследствии сами образовали городские центры. Более того, уход монастырей от городов позволил первым стать крупными землевладельцами, что дало возможность развития дочерних обителей. Тем более что крестьянство смогло преодолеть кризис и продолжить развиваться в колонизационном направлении, причем колонизация происходила во все стороны: как и на разоренный Восток, так и на неосвоенный Север. Вслед за крестьянами осваивать новые территории начало и монашество, опираясь, порой, на крестьянский опыт. Впоследствии монастыри и крестьяне стали взаимодействовать на взаимно выгодных условиях, что опять-таки позволило продолжить освоение земель на Севере и в Центре.

Третьей и самой главной причиной являются процессы, происходившие в духовной жизни и ставшие непосредственной причиной последующего подъема.

В связи с небывалым подъемом в XIV веке православного монашества в Константинополе и Греции⁴ и всё возрастающим интересом греческой церкви к Руси, новый митрополит Алексей, при поддержке патриарха Филофея начинает активно проводить различные церковные реформы,

одна из которых напрямую касалась монастырского быта. Так изменяется монастырский устав на принципах общежитийного устава Саввы Освященного, что сопровождалось введением нового устава богослужения, изменением синаксарных чтений, наконец, пересмотром всей богослужебной литературы и приведением ее в соответствие с Иерусалимским уставом.⁵ На Русь начинают приезжать многие высокообразованные греческие подвижники, подобные преп. Григорию Паламе одним из которых стал преп. Дионисий Святогорец. Наконец на Руси стали переводиться книги современных греческих авторов без запоздания, как это случалось раньше. Этот период был охарактеризован расцветом религиозных связей с Византией. Это привело к резкому толчку в развитии общежитийного монашества на Руси, которое на некоторое время затмило даже древние пустынно-жительские традиции. Самым ярким примером обители, построенной по новому уставу, можно считать Троицкий монастырь преподобного Сергия Радонежского.

Но также нельзя ни в коем случае забывать и о сильных особножительных монастырях-пустынях, многие из которых, как, например, Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, были основаны еще в XIII веке.⁶ Их влияние на дальнейшее развитие монастырского движения огромно, и во многом на их традиции первоначально опирались первые из монахов-подвижников, ушедших из городских и пригородных монастырей для са-

мостоятельного поселения в сельской местности или лесной глуши. Эти монастыри были несправедливо забыты исследователями общежитийного монашества, хотя именно группа Спасо-Каменного монастыря стала первым крупным монастырским образованием на Севере, и ее появление было связано не с развитием общежитийного устава, но с традицией еще раннехристианского пустынножительства, а также афонского исихазма, так что предположения многих исследователей о общежитийном характере освоения северных земель нельзя считать до конца верными.

Одна из особенностей пустынножительства — это его неподчиненность никому из светских властей, поскольку пустыни земельно не зависят от княжеской или боярской власти, а пожертвования в пользу монастыря, которые и те и другие (бояре и князья) предоставляют, ни к чему не обязывают братию. С другой стороны, связь подобных монастырей с высшим духовенством тоже слаба, поскольку единственным инструментом влияния на монастырь является смена игумена, произвести которую без согласия братии нелегко. Поэтому подобные монастыри сложно контролировать, а значит, и практически невозможно изменить сложившийся порядок без согласия братии. Также из-за некоторой самостоятельности братии вокруг главного монастыря может возникать множество мелких дочерних пустыней, находящихся в зависимости от центра. Именно так произошло на Кубенском озере.

Формы и проявления монашеской жизни

Подъем монастырского движения привёл к тому, что к середине XIV века на территории центральной Руси, между Московским, Тверским, Рязанским, Ярославским княжествами образовалось несколько сильных монастырских групп. Здесь автор хочет сразу оговорить вводимый термин «группа». Дело в том, что в связи с работами Б. М. Клосса в научных публикациях стал часто фигурировать термин «школа», оперируя которым Б. М. Клосс и возводит всех подвижников к Сергию Радонежскому. Поскольку понятие «школа» намного более сложно для определения и носит, скорее, характер интуитивного (к тому же с духовной точки зрения у большинства подвижников была идея продолжения дела преп. Сергия) для более точного и объективного определения монастырских образований, которые, несомненно, имели место быть, автор и вводит термин «группа», под которым понимается монастырь или группа монастырей, объединенных экономическими факторами, единым уставом, единой традицией, единым подчинением и привязанных к одному или нескольким центрам.

Одним из самых сильных и влиятельных объединений была группа преп. Сергия Радонежского. Прежде всего надо отметить, что принадлежателями к «школе»-группе преп. Сергия можно назвать исключительно монастыри, основанные им самим, тем более что даже среди них можно провести множество различий, а

в большинстве случаев и отсутствие прямого подчинения. Преп. Сергей основывает свою обитель в лесной глуши, подальше от суетного мира. Когда вокруг преподобного собирается братия, он вводит в обители общежитийный устав, предполагается, что под влиянием митрополита Алексея⁷ и патриарха Филофея, написавшего письмо преп. Сергию, в котором он призывает его к укреплению общежития.⁸ Позже Сергей становится известным, авторитет его возрастает, он часто играет роль посредника в переговорах между князьями, основывает новые монастыри, благословляет на это своих учеников, крестит великокняжеских сыновей и некоторое время выступает духовником великого князя Дмитрия Донского.

Интересно, что первоначально преп. Сергей основал пустынножительный монастырь, видимо, под влиянием прежних традиций, подобных тем, что были введены в Спасо-Каменном монастыре, но уже после под давлением внешних факторов Сергей вводит что-то приблизительно похожее на общежитийный устав. Одна из отличительных черт группы Сергия — это ее странные отношения с главенствующим Троицким монастырем. Многие из монастырей группы Сергия обязаны преподобному, скорее, своим основанием, чем установлением общежитийного устава, который явился лишь закономерной тенденцией в развитии обителей. Отношения же с Троицким монастырем у всех этих монастырей примерно одинаковые: уважитель-

ные, но не подчинительные — между монастырями не существовало никаких хозяйственных и экономических связей. Что подтверждает большую степень обобщенности в выводах Б. М. Клосса о наличии некоторой «школы» Троице-Сергиева монастыря. То же происходит и с обителями, основанными «учениками», по терминологии Б. М. Клосса, Сергия. Одним из ярчайших примеров подобной схемы является Симонова обитель в Москве. Основанный Федором, племянником Сергия, монастырь стал ставропигиальным, т. е. подчинялся лично патриарху Константинопольскому и развивался отдельно от Троице-Сергиевой обители.

Также продолжает развиваться и приобретать все большее значение группа Спасо-Каменного монастыря. Так, уже к концу XIV века в группе Спасо-Каменного монастыря появились ещё 2 обители, а к концу XV их насчитывалось уже 810, особенное значение монастырь приобрел при игумене Дионисии Цареградском, который ввёл на Кубенском озере «устав Святыя Горы».⁹ Таким образом, Спасо-Каменный монастырь продолжает развиваться в направлении особенной общинности, только по греческим правилам, позволяющим монастырю мелкое землевладение.

Особенно интересно, что Дионисия называют первым игуменом монастыря, причем «дан» он был монахам обители по их просьбе князем Дмитрием Донским.¹⁰ Но говорить в этом случае о подчинительных, чистых ктиторских отношениях монастыря

и князя нельзя за недостатком каких либо еще доказательств. Просто сам монастырь располагался в вологодских землях великого князя, и, соответственно, он должен был назначить игумена в обитель (похожая ситуация и с подтверждением Можайским князем игуменства Мартина), скорее имело место временное покровительство монастырю и лично игумену Дионисию. Начиная с игумена Дионисия, можно говорить о становлении некоторых общежитийных элементов в жизни Спасо-Каменного монастыря и о возрождении жизни монастыря.

Еще один из интересующих нас монастырей — это Спасо-Прилуцкий монастырь, основанный преп. Дмитрием Прилуцким в 1371 году на берегу реки Вологды.¹¹ В житии святого говорится, что это был первый общежитийный монастырь в Вологде¹², более того, похоже, это был первый общежитийный монастырь на Севере, пользующийся активной поддержкой великого князя, что видно из жития. Великий князь просит Дмитрия, как и Сергия, крестить своего сына, что считалось большой честью, но это происходит еще до основания монастыря, а после основания обители Дмитрий Донской прислал преподобному «великие дары на устроение монастыря»¹³, что могло свидетельствовать о княжеском покровительстве Дмитрию Прилуцкому и его монастырю. Спасо-Прилуцкий монастырь становится новым центром северного монашества, отдельным от группы Сергия Радонежского, куда его причисляют И. К. Смолич и Б. М. Клосс.

Итоги подъема

Таким образом, мы можем говорить о существовании как минимум трех монастырских направлений в освоении северных земель, два из которых уже закрепились на данной территории и служили своеобразными опорными пунктами для продвижения все дальше на Север, к Белому морю. В связи с этим надо говорить о некорректности научного мифа о восхождении всех северных монастырских групп к «школе» Сергия Радонежского. Ведь к началу XV века освоение северных земель не просто началось, но уже и достигло определенных результатов, а это значит, что появление новых монастырей в Белозерье явилось закономерным процессом в развитии северного монашества, но не действиями одной группы.

Монашество, постепенно продвигаясь все дальше и дальше на север, осознает нехватку собственных средств для освоения земель и поэтому надеется на помощь местных или московских властей, что фактически означает реставрацию института ктитинства. Благодаря помощи богатых ктиторов монастыри получают возможность действовать относительно свободно, но с другой стороны это осложняет их отношения как между собой, так и с ростовским архиепископом, в чьей епархии находились обители. Подобные конфликты впоследствии и станут возникать, но причина их лежит в характере начала «колониализации». Общежитийный устав позволяет монастырям быстрее развиваться

ся, а значит, создавать монастырские группы вокруг себя.

Еще одна задача северных монастырей — это укрепление позиций православия в землях, где, с одной стороны, преобладали угро-финские народности и куда, с другой стороны, поздно было принесено православие, о чем говорится в житие преп. Димитрия Прилуцкого.¹⁴ Постепенная ликвидация двоеверия и укрепление православия в этих землях означало усиление великокняжеского влияния, поскольку явно была заметна тенденция на сближение духовной и светской власти на протяжении всего XIV века.

Процесс освоения монастырями северных земель в Белозерье и Вологодчине

География северных монастырей первой четверти XV века

В первой четверти XV века резко повышается количество и роль монастырей на Севере, особенно это заметно на примере вологодских и белозерских земель, где, помимо ранее описанных монастырей, начинают появляться новые. Одними из первых в этом ряду стали Кириллов и Ферапонтов, основанные по предположениям исследователей в конце XIV — начале XV века (так на основе житий святых можно считать, что монастыри основаны были соответственно в 1397 и 1398 годах, а по предположениям М. С. Серебряковой — около 1408 и 1409 годов) на восток от реки Шексны и озера Белое выходцами из московского Симонова монастыря. Московское «происхождение» старцев говорит

о начале времени возрожденного ктиторта великого князя и постоянной борьбы за влияние на церковь и монастыри светских властей.

В интересующих нас краях монастыри выстраиваются вдоль тракта на Каргополь от Вологды: сначала Спасо-Прилуцкий, потом целый ряд обителей Спасо-Каменного монастыря около Кубенского озера, далее Кириллов и Ферапонтов. Таким образом, мы можем говорить о целенаправленном движении монастырей на Север в сторону «Холодного моря», причем завершающей точкой этого движения можно считать Соловецкий монастырь.

Особенности жизни заволжских монастырей в начале XV века

В первой четверти XV века на фоне бурного роста общежитийных монастырей продолжает свое существование и также активно развивается группа Спасо-Каменного монастыря стараниями учеников Дионисия Святогорца, также именуемого Царградским (и то и другое указывает на его греческое происхождение), Дионисия Глушицкого, основавшего 4 обители вокруг Кубенского озера и Александра Куштского, основавшего Спасо-Сянжемский монастырь.¹⁵ Также особенно стоит отметить тот факт, что Дионисий Святогорец¹⁶ стал первым архиепископом из заволжского монашества, что свидетельствует о возрастающей роли всего «заволжского» монашества в целом и Спасо-Каменного монастыря в частности. С этого момента большинство Ростовских архиепископов будут так или

иначе связаны с этой ветвью русско-го монашества, что еще раз повышает роль северного подвижничества, поскольку ранее, в Киевский период, во все епархии назначались выходцы из Киево-Печерского монастыря; теперь многие из архиепископских кафедр северной Руси занимают выходцы из заволжских обителей.

Группу Спасо-Каменного монастыря можно назвать индикатором развития северного заволжского монашества. В моменты его высочайшего подъема можно говорить и о подъеме группы, аналогично и в моменты упадка, по крайней мере на протяжении двух столетий, эта схема работала. Так, во время общего русского подъема монашества, Спасо-Каменный монастырь достигает своего расцвета, а по мере постепенного угасания монашества в XVI и XVII веках монастырь также приходит в упадок, что приводит к его окончательному разорению в середине XVIII века.¹⁷

Также развивался и Спасо-Прилуцкий монастырь, ставший своеобразным опорным пунктом городского общежитийного монашества в Заволжье. Из-за самого расположения Вологды на пересечении двух торговых путей к Северному морю монастырю предоставлялись большие возможности в торговле и, соответственно, в землевладении, также монастырь получал множество пожертвований.

Монастыри, основанные в первой четверти XV века

Но самым важным в развитии северного монашества событием в пер-

вой четверти XV века стало основание Кириллова и Ферапонтова монастырей монахами Симонова монастыря преподобными Кириллом и Ферапонтом. Уже упомянутые разногласия о времени создания монастырей действительно имеют под собой определенные основания, но нас более будут интересовать причины основания обителей, их месторасположение и факторы, влияющие на выбор именно этих мест, а также первые годы в жизни монастырей. Из жития¹⁸ Кирилла мы узнаем о том, что преподобный ранее был игуменом Симонова монастыря, но, устав от хлопот игуменства, и, возможно, под давлением братии, снял с себя эти обязанности, удалясь в Старое Симоново, где в час ночной молитвы ему явилась Богородица, приказав идти на Белоозеро, а вернее, указав ему то место, где должно основать монастырь. После чего преп. Кирилл вместе с преп. Ферапонтом, часто бывавшим в Белозерье по делам, отправился на Север. Но что же все-таки скрывается за столь красочными описаниями жития? Так ли не спланирован и спонтанен был этот поход? Ответ на эти вопросы мы можем найти в политической ситуации эпохи. Дело в том, что именно в это время Белозерье входит в состав Московских владений по смерти на Куликовском поле последнего прямого наследника Белозерского княжества¹⁹, фактически Белозерье входит в состав удела кн. Андрея Можайского, но по причинам, до сих пор не проясненным, после смерти Дмитрия Донского оба монастыря находятся под покровительством

Василия Дмитриевича примерно до 1401-1406 годов. Симонов монастырь является ставропигиальным, но из-за расположения в Москве и дальности от Константинопольского патриарха фактически подчиняется Великому князю, являющемуся главным ктито-ром монастыря.

Великим князьям надо было как-то закреплять свои позиции во вновь обретенных землях, что часто делалось посредством укрепления православия в этих регионах и создания там общежитийных монастырей, что оправдало себя в случае со Спасо-Прилуцким монастырем в Вологде. Судя по всему, подобная же схема отработывалась и с Белозерьем: монах из «московского» монастыря (преп. Димитрий Прилуцкий из Переславля-Залесского, преп. Кирилл и Ферапонт из Москвы) по своему решению отправляется на Север для основания монастыря при поддержке князя, и как только монастырь будет основан, князь начинает вносить большие как денежные, так и земельные пожертвования в казну монастыря. И действительно, преп. Кирилл приходит на земли около Северского озера и начинает там строительство монастыря, довольно быстро вокруг него собирается братия, и преп. Кирилл начинает приобретать земли для обеспечения жизни обители. Так он покупает у преп. Ферапонта, уже после его ухода, несколько его родовых деревень.²⁰

Удивительно и само расположение Кириллова монастыря, не имеющее контактов ни с оживленной Шексней, ни с каргопольским трактом, но

впоследствии именно через Кириллов будет проложена дорога на Белозерье, как бы вопреки всем препятствиям. Если бы не поддержка Великого князя, а позже и Можайского, Кирилло-Белозерский монастырь не смог бы развиваться до столь масштабного образования за 2 десятилетия, что замечательно видно на примере Ферапонтова монастыря.

В житии Ферапонта написано, что старец ушел подальше от суетной жизни Кирилловой обители, но, видимо, это было всего лишь формальная отговорка, поскольку основанный им монастырь находился на пересечении двух торговых путей: водном — через реку Бородаву, впадающую в Шексну и тогда еще судоходную и сухопутном — все том же тракте на Каргополь. Подобное место никак нельзя назвать тихим, но, судя по всему, Ферапонт действительно хорошо знал эти места (неспроста имел он здесь родовые деревни) и основал монастырь на стратегически выгодном месте.

Позже он выкупил у Кирилла обратно свои деревни.²¹ Но даже при таком выгодном положении Ферапонтов монастырь уступал Кириллову и в количестве пожертвований, и в количестве земель²² именно по причине ктитинства Великого князя по отношению к Кирилло-Белозерской обители. Позже у Ферапонтова монастыря также появился влиятельный покровитель — законный владелец этих земель князь Андрей Можайский, который впоследствии призовет Ферапонта основать Лужицкую обитель близ Можайска, по статусу примерно

равную Спасо-Прилуцкому монастырю. Сам же Ферапонтов монастырь продолжал развиваться при поддержке Можайских, а позже Белозерских князей, потомков младшего сына Андрея Можайского. Но после смерти Кирилла в 1427 году и его духовной грамоты²³ Ферапонтов монастырь опять начал уступать в своём статусе Кириллову. По завещанию Кирилла²⁴ монастырь фактически окончательно менял своего ктитора, Кирилл просил братию о послушании не новому Великому князю Василию Васильевичу, сыну прежнего Василия Дмитриевича, который действительно в это время был слишком молод и имел слишком много врагов, но ближайшему из сильных князей — Можайскому и Белозерскому князю.

Конечно, подъем монашеского движения в Заволжье был спровоцирован не только политическими или религиозными событиями, но и экономическим развитием Русского Севера. Ведь на протяжении всего XIV века и в начале XV продолжается крестьянская колонизация Севера, с которой связано и закрепление православия, и развитие монашества на данных территориях.

Значение выше обозначенных монастырей для последующих исторических процессов.

Именно в первую четверть XV века сложилась система отношений между монастырями, светскими и духовными властями, упрочилась их роль как очагов православия и крупных хозяйственников, а с их влияни-

ем стали считаться как никогда. Монастыри стали великим подспорьем местному населению, именно с этим связано, что монастыри не были изгнаны, как это случилось в первый раз с преп. Дмитрием Прилуцким²⁵, ведь в условиях зоны критического земледелия появление крупного накопителя земель и средств давало возможность развивать сельское хозяйство, а не только огородничество, охоту и рыболовство.

Расцвет монашества привел к расцвету культуры Руси, так пострадавшей от монгольских набегов и восстанавливавшейся на протяжении всего XIV века под влиянием византийских подвижников. XV век открывается началом нового витка в развитии монастырского освоения Севера, причем огромную роль здесь будут играть Кириллов-Белозерский, Ферапонтов, Спасо-Каменный, Спасо-Прилуцкий и т. д. монастыри.

Ферапонтов монастырь в середине — третьей четверти XV в.

К началу второй трети XV века Ферапонтов монастырь был чуть выше среднего по развитости монастырем, уступающим по всем параметрам Кириллову. Поэтому для отражения основных тенденций в развитии монашества мы рассмотрим именно этот монастырь, как среднестатистический, попутно выявив его особенности и прояснив некоторые повороты в истории монастыря на протяжении столетия.

Через историю Ферапонтова монастыря возможно выйти не только на

историю освоения Заволжья, но и на историю северо-восточной Руси того периода, поскольку именно при Мартиниане монастырь начинает играть значимую роль в государстве в целом, и впоследствии именно этот фактор повлияет на судьбу многих выходцев из монастыря.

*Ферапонтова обитель
при преп. Мартиниане*

Преподобный Мартиниан — один из самых известных игуменов Ферапонтовой обители. Но личность его во многом загадочна и до конца не исследована, в биографии этого исторического персонажа слишком много белых пятен, загадок и до сих пор неразрешенных вопросов.

Преподобный Мартиниан происходил из крестьян волости Сяма, в 50 верстах от Ферапонтова. В миру его звали Михаил. Из жития преподобного Мартиниана нам известно, что его привели родственники к преп. Кириллу в монастырь на учение, где он и остался. По достижении юношеского возраста игумен Кирилл постриг его под именем Мартиниан.²⁶ Новопостриженный инок был столь усерден в своем служении, а особенно искусен в книгах (на каноннике 1422 г. стоит подпись Мартиниана)²⁷, что быстро достиг высокого сана. Мартиниан стал любимым учеником пр. Кирилла, а также имел большое уважение и любовь у братии Кириллова монастыря²⁸. После смерти своего учителя (предпод. 1427 г.) Мартиниан еще некоторое время пробыл в обители а позже ушел за 100 верст на озеро Воже, где

поселился на пустынном острове. Вскоре туда стали приходить другие иноки, и на пустынном острове возникла небольшая иноческая обитель. Мартиниан покинул обитель и отправился путешествовать с молитвой по монастырям. Так, он однажды пришел в Ферапонтову обитель, где дал обещание братии (по настоянию оной), что перейдет к ним жить. Вернувшись в свою Вожеезерскую обитель и увидев, что иноки способны управиться и без него, он исполняет обещание и отправляется на поселение в Ферапонтов монастырь²⁹, где после смерти прежнего игумена по просьбе полюбившей его братии сам становится игуменом. Братия отправляет Мартиниана к Можайскому князю Андрею (или Михаилу)³⁰, ктитору обители, для подтверждения его сана.

Мартиниан, став игуменом, начинает заниматься благоустройством обители, именно при нем начинается активное использование всех ресурсов монастыря, вырастает экономическая активность обители, что видно по актам 1430-х годов³¹, где обитель называют «Мартемьяновой».

В 1447³² году князь Галицкий Дмитрий Юрьевич Шемяка отдает во владение своему свергнутому и ослепленному двоюродному брату Великому князю Василию Васильевичу вологодский край. Таким образом, и освобождая его от заключения (на чем так настаивало русское духовенство во главе с «обманутым» митрополитом Ионой) и отсылая его подальше от Москвы, ослепленный Василий отправляется в свой новый удел со всей

семьей из Углича. По прибытии в Вологду Великий князь пытается избавиться от проклятых грамот, которые он дал Дмитрию Шемяке о том, что он (Великий князь) более не будет «домогаться» московского престола. Сразу же после прибытия в Вологду он со всей семьей отправляется в Спасо-Каменный³³ монастырь, где получает благословение на «великое княжение», а потом «пойд'е в Кириллов монастырь и на Белозеро и во Тверь».³⁴ Существует несколько версий о мотивах его путешествия, высказанных исследователями:

- 1) Василий II совершает паломническую поездку по монастырям Вологды и Белозерья³⁵ (Версия жития);
- 2) Василий II едет в Кириллов, чтобы выяснить позицию белозерского князя Михаила Андреевича в конфликте с Шемякой³⁶ (Зимин А. А.);
- 3) Василий II едет в Кириллов специально для снятия с него обязательств проклятых грамот.³⁷ (Соловьев М. С.).

Каждая из версий имеет право на существование, хотя ясно видно, что последние две версии исключают надобность поездки в Спасо-Каменный монастырь, поэтому вернее предположить более сложную ситуацию. Василий Васильевич отправляется в паломничество по монастырям Белозерья, как бы продолжая играть свою роль благочестивого и невинно пострадавшего князя, тем самым укрепляя свои связи с влиятельным заволжским духовенством и монашеством на случай противостояния не всегда лояльному центральному духовенству. И в

тоже время заезжает на территорию князей, ранее в конфликте не участвовавших, для того, чтобы выяснить их позицию. И его схема действительно работает: духовенство переходит на сторону законного правителя (Василия), несмотря на все пожалования князя Дмитрия Юрьевича³⁸, которые тот давал, дабы привлечь старцев на свою сторону. Но Белозерский князь не смог встретиться с Василием II в Кириллове, пригласив его на Белозеро.³⁹ Маршрут поездки Великого князя еще раз показывает значимость ранее выделенных монастырей.

Так или иначе, Великий князь по дороге в Кириллов останавливается в Ферапонтовом монастыре, здесь после торжественного приема он имеет продолжительную беседу с игуменом Мартинианом, в которой последний (по версии жития) поддерживает намерение Василия вернуть себе престол⁴⁰, а также дает благословение.

Здесь появляется еще один вопрос, почему князь заезжает в небольшой монастырь, находящийся к тому же не по пути следования. Версий об этом опять-таки существует несколько, как и вариантов разговора Мартиниана с Василием Темным:

- 1) В Кириллов можно попасть только через Ферапонтово поскольку именно здесь от основного торгового тракта на Каргополь отходит дорога на Шексню и Кириллов. (Эта версия возникает в связи с путем митрополита Никона из Соловецкого монастыря в Москву через Каргополь, Ферапонтово, вниз к Шексне и далее по Волге до Ярославля⁴¹ по старой дороге, что

является доказательством существования торгового пути на Белое море через Каргополь);

2) Великий князь как паломник не может пропустить столь благословенное место и не поклониться братии.⁴² (Версия жития);

3) Великий князь ехал целенаправленно к Мартиниану, чтобы договориться о благословении, поддержке и, возможно, о снятии проклятых грамот.⁴³ (Версия Стрельниковой Е. Р.).

На картах XIX века нанесена старая кирилловская дорога до Вологды, идущая вдоль Кубенского озера и поворачивающая на Кириллов от старого тракта. Из этого следует, что первая версия неверна. А вторые две можно собрать в одну: Великий князь решил в соответствии с планом, описанным выше, заручиться поддержкой духовенства. И поскольку из Кириллова в Ферапонтово было ехать неразумно, т. е. тогда бы Василий Васильевич только излишне потерял бы время, было решено сделать крюк с заездом в обитель. Было ли запланировано это посещение как часть заговора и о чем был разговор Великого князя и игумена Мартиниана, остается неизвестным, к сожалению, иных источников кроме как жития, не осталось. Можно также предположить об устном взятии на себя грамот Мартинианом или же об утерянных письменных источниках, не зафиксированных летописью, но это еще раз подтверждает значимость обители в политической ситуации того времени.

Раздав милостыню, князь отправляется далее — в Кириллов, где получает от игумена Трифона (как мы

уже знаем, возможно, повторное) освобождение от проклятых грамот. Теперь Василий Васильевич имеет полное право на проведение каких-либо действий против своего несправедливого двоюродного брата. Князь собирает войска и отправляется в Белоозеро, откуда по Шексне с войсками сплавляется к Твери и, объединившись с союзниками, выступает на Москву.⁴⁴

После изгнания Дмитрия Шемяки и обретения великокняжеского престола князь Василий призывает к себе Мартиниана с предложением занять место игумена Троице-Сергиева монастыря, вместо прежнего игумена Досифея, обвиненного в стоворе с Шемякой и отстраненного Великим князем.

В дате доставления Мартиниана в игумены Троицкие и начале его деятельности тоже существуют вопросы. Так, 4 августа 6956 года Мартиниан игумен Ферапонтова монастыря⁴⁵, а 29 декабря того же года игумен Троицкого⁴⁶, это может означать, что, либо Мартиниан заочно был поставлен в игумены Троицкие, продолжая оставаться игуменом Ферапонтова, либо официальное летоисчисление оставалось все еще мартовским, а по сентябрьскому летоисчислению — 29 декабря 6957 года. Второе наиболее вероятно, поскольку в грамоте от духовенства Дмитрию Шемяке от 29 декабря 6956 года, где присутствует и подпись Мартиниана как игумена Троицкого», не упоминается похищенные им в 6956 году великой княгини Софии, матери Великого князя, кое именно тогда имело место.⁴⁷

Еще один вопрос, почему именно преп. Мартиниана Великий князь ставит игуменом в Троицкий монастырь. Существуют версия жития, что Мартиниан заномнился князю своим благочестием и был приближен к нему.⁴⁸ Но и она полностью не отражает ситуации.

После возвращения себе престола Великий князь не забыл своих союзников и помощников. Василий Васильевич раздавал князьям обещанные земли, боярам и боярским детям подарки и места при дворе, а поддерживавшее его заволжское духовенство начал придвигать ближе к себе⁴⁹, так, в 1448 году он назначил кирилловского игумена Трифона архимандритом придворного Новоспасского монастыря, фактически Трифон стал одним из доверенных лиц Василия. Что-то похожее происходит ранее и с Мартинианом. После «отставки» неугодного Великому князю Троицкого игумена Досифея кандидатур на его место у Василия остается мало. Ведь именно здесь в прошлый раз был пойман князь, и именно здесь монахи плели против него заговор, поэтому, чтобы сдержать братию и быть уверенным в ее покорности воле князя, Василий II назначает игуменом человека, ему знакомого и верного ему в трудные минуты жизни, но не, как это обычно случалось, выходца из Троице-Сергиевой обители. Возможно, что еще одна мотивация этого поступка Великому князю кроется в некоторой услуге, оказанной Мартинианом московскому князю, о которой уже было упомянуто ранее. Прибыв в Троицкий монастырь,

новый игумен ужесточает правила и порядки жития в обители.⁵⁰ Василий Васильевич делает Мартиниана своим поверенным в некоторых делах, что свидетельствует о большом уважении князя к игумену. Но случались и некоторые конфликты между Василием и Мартинианом: так, Мартиниан по просьбе князя под свое поручительство возвратил Василию боярина, а Великий князь наложил на боярина опалу, приступив обещание, данное преподобному, на что старец явился с гневом и обещался снять с него благословение. Тогда конфликт разрешился мирно — боярина отпустили, Василий и Мартиниан помирились, обменявшись взаимными извинениями, но подобное поведение игумена доказывает его упорное благочестие, ради которого игумен способен на конфликт даже с Великим князем.

В 1455 году игумен Троицкого монастыря Мартиниан, попросившись с братией, уходит в Ферапонтovu обитель, где вопреки ожиданием занимает всего лишь должность строителя. Житие преподобного утверждает, что ему захотелось покоя и тиши, это означает, что покоя игумену в Троицкой обители не было. Возможно, это произошло из-за жесткости правил, введенных старцем, а возможно, из-за очередного конфликта с Великим князем или его окружением. Уж слишком похож этот уход Мартиниана на ссылку, особенно это показательно с той стороны, что преподобный не становится игуменом Ферапонтова монастыря, несмотря на просьбы братии.

Так, в сане строителя Ферапонтова монастыря и доживает свой век преподобный Мартиниан и умирает в 1483 году. Похоронен преподобный у новой деревянной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, построенной его радением. Но дело его по прославлению и обогащению монастыря продолжают его ученики, при которых обитель достигает максимально возможного развития, становясь наравне с Кирилловом и Прилуцким монастырями.

Итоги мартиниановского периода в жизни Ферапонтова монастыря

В истории Ферапонтова монастыря время игуменства Мартиниана стало самым большим рывком в развитии, но при этом до сих пор невозможно раскрыть некоторые загадки личности преподобного. Так, мы до сих пор не можем найти ответ на вопрос был ли связан как-то Мартиниан с проклятыми грамотами, а также о причинах его ухода из Троице-Сергиевой обители. Ясно одно: причиной расцвета Ферапонтова монастыря в конце XV века стал подъем его при Мартиниане.

Ученики преподобного Мартиниана

Практически все известные монастыри в период своего расцвета производили на свет множество известных исторических деятелей. Для Заволжских монастырей таким периодом стала последняя четверть XV - первая четверть XVI века. В этот период заволжские монастыри ста-

новятся центрами духовной жизни не только Севера, но и всего Российского государства, что связано было с той огромной ролью, которую сыграли в русской истории духовные лица, прошедшие через школу монашеского подвига. Ферапонтов монастырь здесь не является исключением. Так, мы знаем о ряде известных личностей, вышедших из Ферапонтова монастыря, которых условно называют «учениками Мартиниана». Но действительно называться его учениками могут, наверное, только 2 человек: Иосаф Оболенский и блаженный Галактеон.

Иосаф Оболенский

Иосаф (в миру Иван Михайлович) происходил из знатного рода князей Оболенских, ведущих родословную от Рюрика.³¹ Существует предание о том, что архиерейский сан Ивану был предречен Исидором Твердисловом, известным ростовским юродивым, во время свадьбы. Исидор вбежал в зал, где проходили свадебные торжества и, подойдя к новобрачному князю, подал ему шапку, сплетенную из полевых трав и цветов, со словами: «Вот тебе, Иванушко, архиерейская шапка», а потом обратился к невесте, Дарье Андреевне Луговской, назвав ее «Рахиль-Дарьей». Через год пророчество сбылось, и Дарья Андреевна умерла от родов, как и библейская Рахиль, а безутешный князь удалился в Ферапонтов монастырь, где принял постриг от самого преп. Мартиниана. Остается неизвестным, почему князь отправился именно в Ферапонтову обитель, но можно предположить, что

после возвращения Мартиниана, монастырь стал вновь известен и в том числе соперничал с Кирилло-Белозерским, что отразилось в постоянном переделе собственности между монастырями.⁵²

Иосаф провел в монашеском послушании много лет и, по некоторым версиям, даже был игуменом Ферапонтова и, возможно, Кириллова монастырей⁵³, а 22 июля 1481 года был поставлен архиепископом Ростовским, взамен умершего Вассиана Рыло, который также являлся приемником Мартиниана в игуменстве Троицкой обители. В церковной политике и спорах Иосаф продолжал поддерживать позицию своего предшественника, державшего сторону великого князя. Подобное поведение Оболенского можно трактовать по-разному. Во-первых, надо заметить, что род его был довольно близок ко двору Ивана Васильевича⁵⁴, поэтому симпатии нового архиепископа вполне понятны. С другой стороны, похоже, что Иосаф поддерживал сами взгляды Вассиана, бывшего духовником великого князя, относительно современных ему конфликтов, так именно Вассиан поддержал архимандрита чудовского Геннадия в его разоблачении ереси «жидовствующих» и в спорах о «посолонном» хождении в 1479 году, хотя и не принял ясного решения о последнем.⁵⁵ Также можно вспомнить конфликт Вассиана с Михаилом Можайским.⁵⁶ Схожую политику проводил и Иосаф, князь Оболенский: он также поддержал Геннадия и Великого князя Ивана III в споре о «посолонном»

хождении в 1482 году⁵⁷, правда, в этот раз это обернулось против и Иосафа, и Геннадия, т. к. государь решил помириться с митрополитом, поняв, что против всего книжного мира ему не удержаться, а архимандрит чудовский и архиепископ ростовский остались не у дел, более того, возник конфликт между митрополитом Геронтием и архимандритом Геннадием, в результате которого только заступничество Великого князя позволило Геннадию выжить.⁵⁸ О каких-то конфликтах Иосафа с митрополитом неизвестно. Возможно, Иосаф надеялся, что заняв место духовника Великого князя он будет иметь поддержку от него, и действительно ростовскому архиепископу частенько оказывались большие почести чем кому-то другому, но былого влияния на Великого князя Иосаф не получил. В 1483 году Иосаф участвует в выборе Новгородского архиепископа, где по жребию был выбран троицкий монах Сергей, бывший ранее протопопом, но сошедший с ума спустя 2 месяца после своего поставления. Потом Иван Васильевич уже просто назначил Геннадия архиепископом новгородским 12 декабря 1484 года.⁵⁹ Во время своего пребывания на кафедре Ростовской архиепископии Иосаф продолжал заботиться о своей обители, так, в 1485 году он построил деревянную церковь в монастырских владениях на реке Бородаве (25 верст от Ферапонтова) во имя Положения Риз Богородицы и сам освятил для нее антиминос. В 1488 году Иосаф неожиданно оставляет кафедру и уходит на покой в Ферапонтов монастырь,

чем вызывает недовольство великого князя и архиепископа Геннадия, но несмотря на все приказания первого и увещевания второго не возвращается к делам. Существует несколько предположений о столь странном поступке ранее очень деятельного и авторитетного служителя церкви:

1) Иоасаф не захотел принимать участие в жестоком подавлении ереси жидовствующих, к которому его призывал Геннадий;

2) Ростовский архиепископ боялся, что за поддержку Геннадия на него начнется давление со стороны духовной власти, а если он не поддержит новгородского архиепископа, то на него будет давить сам влиятельный Геннадий;

3) Иоасаф устал от сплетен и заговоров светской и духовной властей.

Фактически все три версии имеют право на существование, но ситуация здесь по-видимому сложнее, чем кажется на первый взгляд. Иоасаф оказался в очень сложном положении. С одной стороны, своей поддержкой Великому князю он получает очень влиятельного покровителя, но и не менее влиятельного врага. Зная о том, что «державного» начинают окружать еретики, а Геннадия отстраняют, все дальше, Иоасаф решает просто выйти из игры, пока еще не поздно что-то исправлять. На такое решение могла повлиять и моральная усталость Оболенского, ведь, начиная с вступления на кафедру, он вынужден был постоянно бороться, хитрить, устраивать полемику с книжниками, что привело его к желанию удалиться обратно в

обитель, где тихо окончить жизнь. К сожалению, не сохранилось ни одного письма из его обширной переписки с Геннадием, поэтому нет возможности говорить о хоть какой-нибудь степени достоверности построенного предположения. Эта загадка Ферапонтова монастыря так навсегда и останется загадкой.

Уйдя в монастырь на покой, Иоасаф при том не перестал быть влиятельной фигурой в политике, так для своей обители он «выхлопотал» у своего преемника ростовского архиепископа Тихона освобождение упомянутой церкви на Бородаве от даней и пошлин.⁶⁰ А также на свои деньги после пожара 1487 года построил каменный (первый в Заволжье) Рождественский собор вместо деревянного, возведенного еще при Мартиниане на месте Ферапонтовской церкви, а после, опять-таки благодаря своей влиятельности, пригласил известного живописца Дионисия для росписи собора. Также известно, что вслед за ним в монастырь ушел его друг, князь Константин Макнувский (Мангнубский), грек, прибывший в свите царевны Зои-Софии Палеолог и получивший надел в землях ростовского архиепископа. Константин не хотел принимать монашеский сан, но жил в монастыре, как и все монахи, неся послушание. Всё же, после явления ему во сне пр. Мартиниана он принял постриг под именем Кассиана. Через некоторое время он ушел из обители и при содействии угличского князя Андрея Васильевича основал Учемскую обитель на слиянии рек Учмы и Волги.

Иоасаф умер 6 октября 1513 года, при его погребении были обретыены мощи преподобного Мартиниана.

Иоасаф сыграл очень большую роль в развитии монастыря. Ведь именно благодаря ему был построен Рождественский собор, и приглашен Дионисий для его росписи. Время пребывания Иоасафа Оболенского в монастыре стало поистине расцветом Ферапонтовой обители.

Блаженный Галактион

Блаженный Галактион, бывший учеником Мартиниана, прославился святостью жизни и даром прозорливости. Основные сведения о нём мы можем получить из жития преподобного и Степенной книги. Блаженный Галактион происходил из Белоозера, где был на военной службе. Постригшись в Ферапонтове, он стал учеником Мартиниана. Ревностный и усердный к службе, он не заботился о пище и жилье, никогда ничего не просил, ни на что не жаловался, зато был самоотвержен в выполнении просьб и нужд других. Так известно, что, когда преподобный Мартиниан не смог ходить, Галактион носил его на соборное пение. Кельи у блаженного не было, ночевал он где придется. Странности в его поведении братия списывала на обет юродства, взятый Галактионом с благословения Мартиниана.

Также ему приписывали дар прозорливости. Так, он предсказал пожар в монастыре, во время которого вынес из огня сокровища Иоасафа, на которые был позже построен Рождественский собор.⁶¹

Самое интересное с исторической точки зрения, его предсказание о рождении Ивана IV и взятии им Казани через 47 лет от даты предсказания (в 1506 году). Это предсказание было помещено в начало Степенной книги, как свидетельствующее о благочестии царя Ивана Васильевича. Удивительно здесь в первую очередь то, что это предсказание сохранилось и стало известно при составлении Степенной книги, ведь, несмотря на свой расцвет и роль духовно-просветительного центра, Ферапонтов монастырь был меньше известен, чем Кириллов. И многие святые подвижники Ферапонтова монастыря были также известны, как старцы Кириллова.

Умер Галактион после 1506 года, точная дата смерти неизвестна.⁶² Захоронен был, по преданию, под монастырской колокольной. Блаженный Галактион не был канонизирован даже для местного почитания.

Заключение

История развития Российского государства в XIV—XV веках неразрывно связана с православием. Православие стало объединяющим фактором, монашество играло здесь немалую роль. Но наиболее сильное влияние монашество оказало на освоение Заволжья, поскольку являлось там едва ли не единственным реальным инструментом влияния на местное население. Князья использовали монастыри в своих целях, фактически подчиняя их себе, монастыри становились ктииторскими, но это не означало упадок монашества. Ведь

именно в это время на Руси возрождается идея общежития, и финансовая помощь светской власти только способствует ее развитию, а значит, становлению нового вида отношений между монастырями и властями, как светскими, так и духовными. В то же время заволжский край начинает приобретать все большее значение, все больше монастырей появляется на Севере, но продолжают развиваться и старые, сохраняя свои традиции, это такие обители, как Спасо-Каменный и Спасо-Прилуцкий монастыри, основанные или возрожденные в XIV веке. Они стали опорными точками для продвижения иноков все дальше и дальше к «Холодному морю», для последующего образования института «заволжского старчества».

Стремясь закрепить свои успехи на Севере, московские князья стали основывать ктиторские монастыри в вологодских и белозерских землях, так появились и Спасо-Прилуцкий монастырь, и Кирилло-Белозерский. Их многочисленные дары и «милостыня» позволили этим монастырям стать крупными землевладельцами,

но во времена феодальных войн середины XV века великий князь московский теряет ктиорство и возможность влияния на заволжские монастыри, которая переходит к более сильным представителям дома Донского. Но на завершающем этапе войн великому князю Василию II все же удается получить поддержку заволжского старчества в борьбе с Дмитрием Шемякой, что очень ярко отразилось в отношениях игумена Ферапонтова монастыря Мартинаиана и великого князя.

Ферапонтов монастырь ранее никогда не пользовался особой поддержкой высших властей, но благодаря своему удачному расположению на пересечении двух торговых путей сумел просуществовать довольно долго и стать достаточно известным и влиятельным в Белозерье, чтобы во время своей ссылки и великий князь заехал туда, свернув с основного пути. Это перевернуло жизнь монастыря, сделав его на ближайшие 50 лет одним из ведущих монастырей Северо-Восточной Руси. Поэтому именно на его примере рассматривается история заволжских монастырей в XV веке.

Примечания

¹ Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере, СПб., 1855.

² Смолич И. К., Русское монашество (988—1917). Жизнь и Учение Старцев, М.: 1997 г.

³ Клосс Б. М. Избранные труды. Том 1. Житие Сергия Радонежского. М.: 1998.

⁴ Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1998. С. 269.

⁵ Клосс Б. М. // Монашество и монастыри в России. XI—XX века: Исторические очерки / [Отв. Ред. Н. В. Синицина]; Ин-т российской истории. М.: 2002, С. 57.

⁶ Смолич И. К. Русское монашество (988—1917). Жизнь и Учение Старцев, М.: 1997 г., С. 556.

⁷ Монашество и монастыри в России. XI—XX века: Исторические очерки / [Отв. Ред. Н. В. Синицина]; Ин-т российской истории. —М.: Наука, 2002 С. 60.

⁸ Клосс Б. М. Избранные труды. Том 1. Житие Сергия Радонежского. М.: 1998. С. 38.

¹⁰ «Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре» // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. Спб.: 2005 С. 35.

¹¹ Там же.

¹² Житие преподобного Димитрия Прилуцкого, Вологодского чудотворца // изд. Спасо-Прилуцкого монастыря, Вологда, 1996 г.

¹³ «и не было общежительного монастыря у иноков земли той от Волги реки и до края моря» — Житие преподобного Димитрия Прилуцкого, Вологодского чудотворца // изд. Спасо-Прилуцкого монастыря, Вологда, 1996 г.

¹⁴ Житие преподобного Димитрия Прилуцкого, Вологодского чудотворца /V изд. Спасо-Прилуцкого монастыря, Вологда, 1996 г.

¹⁵ «Промысел Божий влек святого в Вологду для благословения недавно приобщенных к христианству жителей ее» — Житие преподобного Димитрия Прилуцкого, Вологодского чудотворца // изд. Спасо-Прилуцкого монастыря, Вологда, 1996 г.

¹⁶ Смолин И. К. Русское монашество (988—1917). Жизнь и Учение Старцев, М.: 1997 г., С. 556.

¹⁷ «Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре» // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. Спб.: 2005 С. 37.

¹⁸ Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. Спб.: 2005 С. 23.

¹⁹ Прохоров Г. М., Шевченко Е. Э., Водолазкин Е. Г. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. Спб., 1994 С. 7.)

²⁰ ПСРЛ (том VIII). Продолжение по Воскресенскому списку. - М.: языки русской культуры, 2001. — глава 34.

²¹ Ивина Л. И. Жалованные грамоты первого удельного князя Московского Дома первой трети XV века и Кириллов монастырь на Белоозере: Княжеская власть, отношения её с монастырями.

²² Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси кон. XIV—нач. XVI вв., т. II. М.: Изд. Ак. Наук СССР. 1958, №15.

²³ Там же, №№ 1-31, 317-320.

²⁴ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси кон. XIV—нач. XVI вв., т. II. М.: Изд. Ак. Наук СССР. 1958, №314.

²⁵ Ефимов Н. И. «Преподобный Кирилл Белозерский и его послания» (Казань, 1913 г.) // Из этюдов по истории русского церковно-политического сознания. / Выпуск П. Симбирск. Типография А. Т. Токарева, 1913 г.

²⁶ Житие преподобного Димитрия Прилуцкого, Вологодского чудотворца // изд. Спасо-Прилуцкого монастыря, Вологда, 1996 г.

²⁷ Прохоров Г. М., Шевченко Е. Э., Водолазкин Е. Г. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. Спб. 1994. С. 237.

²⁸ Книжник XV в. Мартиниан (Кириллов, Вожеозерский, Ферапонтов и Троице-Сергиев мон-ри) // Книгописные центры Древней Руси. Л., 1990.

²⁹ Бриллиантов И., Ферапонтов Белозерский, ныне упразднённый монастырь, мес-

то заточения патриарха Никона. М., «Северный паломник», 2001. С. 17—20. (Репринтное воспроизведение изд. 1899 г.).

³⁰ Бриллиантов И., Ферапонтов Белозерский, ныне упразднённый монастырь, место заточения патриарха Никона, М., «Северный паломник», 2001. С. 20—22. (Репринтное воспроизведение изд. 1899 г.).

³¹ Прохоров Г. М., Шевченко Е. Э., Водолазкин Е. Г. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 247.

³² Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси кон. XIV—нач. XVI вв., т. П. М.: Изд. Ак. Наук СССР. 1958 г. №№ 317—326.

³³ «Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре» — Разночтение: по РГБ, Софийское собр., № 1457, сер. XVI века и РГБ, собр. Троице-Серг. Лавры, ф. 304, № 658, сер. XVII в // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели/ Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб.: 2005. С. 37.

³⁴ «Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре» // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели/ Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб.: 2005. С. 37.

³⁵ Прохоров Г. М., Шевченко Е. Э., Водолазкин Е. Г. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 251.

³⁶ Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. С. 116—118.

³⁷ Соловьёв М. С. Сочинения. В 18 кн. Кн. 11 Т. 3—4. История России с древнейших времён. — М.: Голос, 1993 г. С. 449.

³⁸ Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. С. 116—118.

³⁹ ПСРЛ, ТОМ 8. Воскресенская летопись (глава 40). 1447 год.

⁴⁰ Прохоров Г. М., Шевченко Е. Э., Водолазкин Е. Г. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 253.

⁴¹ Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона» СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

⁴² Прохоров Г. М., Шевченко Е. Э., Водолазкин Е. Г. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 251.

⁴³ Стрельникова Е. Р. Ферапонтов монастырь в ликах и лицах. М.: 1998, С.17.

⁴⁴ ПСРЛ, ТОМ 8. Воскресенская летопись (глава 40) 1447.

⁴⁵ Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси кон. XIV—нач. XVI вв., т. П. М.: Изд. Ак. Наук СССР 1958 г. № 323.

⁴⁶ Акт. Истор., т. I, № 40, С. 75.

⁴⁷ ПСРЛ, ТОМ 8. Воскресенская летопись (глава 40) 1448.

⁴⁸ Прохоров Г. М., Шевченко Е. Э., Водолазкин Е. Г. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 257.

⁴⁹ Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. С. 117.

⁵⁰ Прохоров Г. М., Шевченко Е. Э., Водолазкин Е. Г. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 259.

⁵¹ Эти и последующие факты биографии Иосафа взяты здесь: Бриллиантов И., Ферапонтов Белозерский, ныне упразднённый монастырь, место заточения патриарха Никона,

М., «Северный паломник», 2001. (Репринтное воспроизведение изд. 1899 г.) С. 42—65.

⁵² Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси кон. XIV—нач. XVI вв., т. II. М.: Изд. Ак. Наук СССР 1958 г. №№ 327, 335.

⁵³ Стрельникова Е. Р. Ферапонтов Монастырь в ликах и лицах М: Правосл. издат. «Родник», 1998 г.

⁵⁴ Отец Иосафа — Михаил Оболенский получал лично от Великого князя земли в надел. ПСРЛ, ТОМ 8. Воскресенская летопись (глава 40) 1445.

⁵⁵ Костомаров Н. И., Господство дома Св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Воениздат, 1993. С. 343.

⁵⁶ См. стр. 3.

⁵⁷ Макарий (Булгаков). История Русской Церкви, СПб., 1898. Том VI. С. 567.

⁵⁸ Костомаров Н. И., Господство дома Св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Воениздат, 1993. С. 349.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси кон. XIV—нач. XVI вв., т. II. М.: Изд. Ак. Наук СССР 1958 г. № 331.

⁶¹ См. стр. 13.

⁶² Бриллиантов И., Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона, М., «Северный паломник», 2001. (Репринтное воспроизведение изд. 1899 г.). С. 62.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

1. ПСРЛ (том VIII). Продолжение по Воскресенскому списку, М.: языки русской культуры, 2001.

2. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси кон. XIV — нач. XVI вв., М.: Изд. Ак. Наук СССР 1958 (№№ 1-31, 317-326, 327, 331, 335).

3. Прохоров Г. М., Шевченко Е. Э., Водолазкин Е. Г. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1993.

4. «Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре» // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисиев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели/ Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005.

5. Житие преподобного Димитрия Прилуцкого, Вологодского чудотворца/ изд. Спасо-Прилуцкого монастыря, Вологда, 1996 г.

6. Архив П. М. Строева. Том I /Русская Историческая Библиотека, т. XXXII, Пет-роград, 1915 г.

Исследования:

1. Монашество и монастыри в России. XI—XX в.: Исторические очерки/ [Отв. ред. Н. В. Синицина]; Ин-т российской истории. -М.: Наука, 2002.

2. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. СПб., 1898. Т. 2, 3, 4 (1 и 2), 5, 6.

3. Бриллиантов И., Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона, М., «Северный паломник», 2001. (Репринтное воспроизведение изд. 1899 г.).

4. Серебрякова М. С. // Памятники Отечества № 5. 1994.

5. Шевченко Е. Э. Книжник XV в. Мартиниан (Кирилов, Вожеозерский, Ферапонтов и Троице-Сергиев мон-ри) // Книгописные центры Древней Руси., Л., 1990.

6. Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в., М.: Мысль, 1991.
7. Соловьев М. С. Сочинения. В 18 кн. Кн. II Т. 3—4. История России с древнейших времен. М.: Голос, 1993 г.
8. Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона», СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
9. Стрельникова Е. Р. Ферапонтов монастырь в ликах и лицах, М.: Правосл. издат. «Родник», 1998.
10. Костомаров Н. И. Господство дома Св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М.: Воениздат, 1993.
11. Словарь Книжников и Книжности Древней Руси, Вып. 2 (Втор. Половина XIV—XVI в.), Ред. Д. М. Буланин, Г. М. Прохоров, Ленинград, изд. «Наука», 1989.
12. Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели/ Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко, Спб.: «Издательство Олега Абышко», 2005.
13. Ефимов Н. И. Преподобный Кирилл Белозерский и его «послания» (Казань 1913 г.) //Из этюдов по истории русского церковно-политического сознания. Выпуск II. Симбирск. Типография А.Т. Токарева, 1913.
14. Савич А. Соловецкая Вотчина XV-XVII. (Опыт изучения хоз-ва и соц. отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси). Издание об-ва исторических, философских и социальных наук при Пермском гос. университете, Пермь, 1927.
15. Ивина Л. И. Жалованные грамоты первого удельного князя Московского Дома первой трети XV века и Кириллов монастырь на Белоозере: Княжеская власть, отношения ее с монастырями // Российское государство в XIV—XVII вв./ Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева./ Редактор Д. Н. Копелев, издат. «Дмитрий Буланин», Спб., 2002.
16. Смолич И. К. Русское монашество (988—1917) Жизнь и Учение Старцев, М., 1997.
17. Историческое описание Святотроицкия Сергиевы Лавры, Москва, Типография В. Готье на Кузнецком мосту, д. Торлецкого, 1873 г.
18. Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. (Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII.), Изд.: «Наука», Л., 1980.
19. Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII, изд. «Наука», М., 1973.
20. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: — Правда, 1990.
21. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие/ И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 1998.
22. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1998.
23. Клосс Б. М. Избранные труды. Том 1. Житие Сергия Радонежского. М.: 1998.
24. Прохоров Г. М., Шевченко Е. Э., Водолазкин Е. Г. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартинаан Белозерские., СПб., 1993.
25. Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере, СПб., 1855.